

Е. С. Протанская⁴

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ И ЗАБВЕНИЯ ВРЕМЕНИ ПЕРЕМЕН В КОНТЕКСТЕ ЕДИНСТВА НАЦИИ

Обращаясь к вопросу о культуре памяти, большинство исследователей соглашаются, что культура — это система ценностей, определяющих восприятие и оценку людьми реальности. Культурная память представляет противоречие системы ценностей — полюсов старого и нового. Памятники археологии, антиквариат, классика отражают следы древних цивилизаций, предметов прошлого, шедевров искусства, что обеспечивает их историческую или художественную ценность. Они представляют пути развития общества,

восполняют лакуны в истории науки, искусства, производств, сохраняют следы утраченного со временем. В определенном смысле — чем древнее артефакт, тем он значимее для историков и безразличнее для моралистов. Возможно, на древних фресках, в могильниках сохранились и следы подвигов праведников, и орудия злодеев своего времени. На другом полюсе — актуальное: инновации, мода, IT-технологии, ценность которых в новых возможностях, красоте, прогрессе, перспективах. Из них большинство столь же сиюминутны, сколь и в определенном смысле бесценны. Новый гаджет будет заменен новейшим, популярная группа канет в Лету, как и другое, заслужившее множество лайков в Сети... На обоих полюсах — связь со временем, обусловленность оценкой с позиции текущего момента.

Понятия исторической и культурной памяти, памяти «справедливой» являются предметом дискуссий, зачастую яблоком раздора, разделяя общество, народы, становятся причинами конфликтов поколений. П. Рикер, назвавший свою книгу «Память. История. Забвение», мотивирует ее написание тем, что своим гражданским долгом он считает изучение темы политики «справедливой памяти», поскольку его «не перестает волновать положение дел, когда в одном случае слиш-

⁴ Профессор кафедры психологии и педагогики Санкт-Петербургского государственного института культуры, доктор философских наук, Почетный работник высшего профессионального образования РФ. Автор 203 научных публикаций, в т. ч. монографий: «Ценности и детерминанты психологического здоровья субъектов образования» (соавт. и ред.), «Культура и этика профессиональной деятельности: история и современность» (соавт. и ред.); учебников и учебных пособий: «Профессиональная этика. Моральная пропедевтика делового поведения», «Профессиональная этика психолога», «Биоэтика» (ред. и соавт.); статей в научных журналах «Георгий Победоносец как символ русской ментальности», «Феномен Антона Макаренко в культуре XX века. К 130-летию со дня рождения», «Поликультурное образование в системе ценностей современного мира» и др.

ком увлекаются вопросами памяти, в другом — забвения и... не говорят о значении поминания и о злоупотреблениях памятью или забвением»¹. Упоминание справедливости — важное указание на социальную ценность памяти и забвения.

Социальный прогресс и демократические преобразования с этических позиций неизменно оцениваются в отношении социальной справедливости — гуманного распределения и воздаяния. В заботе о распределительной справедливости страны устанавливают стандарты минимальной оплаты труда и пособий безработным, инвалидам, семьям с детьми и т. д. В воздающей (наказующей) справедливости законодатели приходят к отказу от смертной казни и пожизненного наказания для несовершеннолетних, к установлению вольного или невольного причинения вреда, степени виновности и меры наказания за нее, уточняют классификации мотивов поведения, при этом определяется значение и срок давности вины, и мотивы, и вменяемость вины обвиняемому.

Известно, что во все времена в разных странах, в том числе и в России, вопросы социальной (распределительной) справедливости в конечном счете и являются рычагами для наступления эпох перемен, которых на памяти нынешних поколений уже было несколько. И сегодня многие «бархатные революции» совершены народами, большинство в которых пытались разозлить извне, показав «наворованное», предложить избавиться от коррупционеров, скомпрометировать власть и ее институты, избрав новую, и в итоге разделить и страну, и народ, разрушить доверие, ценности. «Борьба за справедливость», как правило, приводила к навешиванию ярлыков, оживлению криминала, переделу собственности, переоценке ценностей и в конечном счете к хаосу. И каждой раз идеологи перемен предлагали во имя справедливости что-то вспомнить, а что-то поскорее забыть. Становится общепризнанным, что «сегодня в большинстве обществ одним из самых священных императивов стал императив памяти. Мы убедились, что память о прошлом и его последствиях, а также увековечивание коллективной исторической памяти являются одним из важнейших моральных обязательств человечества»². Вместе с тем эпохи перемен искали опоры в прошлом, в чем-то были открытием забытого, чаще — «преданного забвению» пласта прошлого (в том числе разрушенного прежними переменами) и связанных с ним событий, имен, явлений общественной и личной жизни.

Так революция 1917 года, отвергнув наследие царизма, возвеличила Пугачевский бунт, Парижскую кому, восстание декабристов, оправдав разрушительную мощь толпы, «разруху в головах». Во имя торжества идеологии государства рабочих и крестьян были отвергнуты законы, охраняющие неприкосновенность личности, права собственности, свободу вероисповеданий. Надо было забыть русских царей, духовных лидеров и предводителей многих народов, министров, гене-

ралов, промышленников, ученых и писателей, не признававших идей революционного переустройства или имевших дворянское происхождение.

Постепенно, со временем разрушения были «оправданы» утверждением ценности труда, в особенности физического, значимости образования, ставшего бесплатным, науки. В короткие сроки была ликвидирована массовая безграмотность, а просвещение народов всех республик стало культурной политикой.

Трагическое различие воспоминаний в эпохи перемен разобщало и разобщает российское общество и заставляет задуматься о роли памяти и забвения. Дата Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года, в корне изменившей жизнь России, ставшей главным событием года в стране в течение трех четвертей века, перестала сегодня отмечаться, она как бы забыта. То есть этот опыт со всеми его противоречиями как бы «списан», отправлен в архив.

Урон, наносимый забвением, бывает не менее тяжелым, чем разрушение старого уклада. Перестройка 90-х позволила вспомнить о Боге, о несправедности расстрела царской семьи, кое-кого — о своих дворянских, купеческих, пастырских корнях, спекулянтов называть предпринимателями... Но заставила забыть про «чувство коллективизма», «загнивание капитализма», про «пролетарский интернационализм», было реабилитировано «преклонение перед Западом» («О, Америка!»). Стали забываться слова «трудающийся», «товарищ», перестали цениться трудовые достижения, социальные гарантии, стало модно хотеть «стать миллионером». Забыты были и идеи русских философов, «неудобные» на данный момент. А между тем в эпохи перемен именно мысли мудрецов, возвращающих к урокам истории, не менее ценны, чем новые песни. «Чем, как не подвижничеством, была вся история нашего народа, сдавшей его сначала татарщиной, затем московской и петербургской государственностью, с этим многовековым историческим тяглом, стоянием на посту охраны западной цивилизации и от диких народов, и от песков Азии, в этом жестоком климате, с вечными голодовками, холодом, страданиями»³. Размышления С. Булгакова и других веховцев не утратили актуальности, потому что пострадали болью за свою Родину: «Если народ наш мог вынести все это и сохранить свою душевную силу, выйти живым, хотя бы и искалеченным, то это лишь потому, что он имел источник духовной силы в своей вере и в идеалах христианского подвижничества, составляющего основу его национального здоровья и жизненности»⁴. Противопоставляя подвижничество героизму, С. Булгаков и другие веховцы утверждают ценности созидания, противопоставляя их разрушению и хаосу.

Отношение к прошлому в настоящем порождает не только социальное расслоение, но и социальную разобщенность, разлад, грозящий сепаратизмом, «утечкой мозгов» и капиталов, растерянность молодого поколения, не находящего опоры в идеалах патриотизма и уважения старших... Многие конфликты, происходящие сегодня в мире, спровоцированы мотивом ме-

¹ Рикер П. Память. История. Забвение. М.: Изд-во гуманитар. лит., 2004. С. 14.

² Рифф Д. Культ памяти: когда от истории больше вреда, чем пользы. URL: <http://www.gefter.ru/archive/17958> (дата обращения: 03.03.2024).

³ Героним и подвижничество. URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html> (дата обращения: 03.03.2024).

⁴ Там же.

сти, связанным с памятью. Но отрицание настоящего, оценка прошлого во имя перспектив будущего не должны рождаться из руин, «на костях и крови», из пепла жертв отмщения.

Уничтожение памятников советским воинам-освободителям от фашизма в странах Восточной Европы, рожденное «переменами» в отношении к России и русским, русофобия на Украине, конфликт в отношениях между Арменией и Турцией, Азербайджаном и Арменией, месть и джихад, объявленный ИГИЛ¹ за действительные и мнимые обиды прошлого, — в определенном смысле использование переоценки прошлого в качестве поводов для конфликтов, в ходе которых проливается кровь.

Единство нации, создаваемое синхронными и диахронными связями, обеспечивающими единство территориальной целостности и единство культурной

межпоколенной идентичности, поддерживается не только взаимоуважением населения различных регионов, но и общностью ценностей, связывающих прошлое и настоящее. Неслучайно в разных культурах и религиях присутствует день прощения — Прощеное воскресенье у христиан, в Ураза-байрам у мусульман. Справедливость воспоминаний предполагает и пагубность злопамятности, то есть игнорирования опыта примирения, забвения обид предками и предпочтения отмщения и наказания потомками. Память культурная — коллективный опыт этноса, нации, выстраданная и осмысленная система ценностей во имя единства. «Это и есть историческое преемство. Оно состоит в том, что достояние одного поколения, материальное и духовное, передается другому. Средствами передачи служат наследство и воспитание»².

¹ Запрещенная на территории РФ.

² Ключевский В. О. Курс русской истории // Сочинения : в 9 т. М., 1987. Т. 1. С. 41.